

УДК 323

DOI: 10.24412/2686-9756-2026-1-40-52

Михаил Ведерников

Т.Г. Масарик и русские чехи

Аннотация. Статья посвящена критическому переосмыслению роли Т.Г. Масарика и русских чехов в процессе формирования независимой Чехословакии в годы Первой мировой войны. На основе широкого круга источников реконструируется эволюция политических стратегий Масарика и организованного движения русских чехов в Российской империи, а также их взаимодействие с правительствами стран Антанты. Особое внимание уделено институциональному оформлению чешско-словацкого движения и нарастающим конфликтам между русскими чехами и зарубежными центрами во главе с Масариком. Показано, что русские чехи одними из первых артикулировали программу демонтажа Австро Венгрии и создания самостоятельного государства, однако их вклад был маргинализирован в последующей чешской и западной историографии под влиянием долгосрочных политических и идеологических конъюнктур. Делается вывод о необходимости пересмотра доминирующих нарративов и более активной интернационализации российских исследований данного сюжета.

Ключевые слова: Т.Г. Масарик, Первая мировая война, русские чехи, политика памяти, забвение.

Сегодня в Чехии Томаш Гарриг Масарик — непререкаемый национальный герой, лидер нации и общепризнанный основатель современного чешского государства. Его вклад высоко оценен потомками и в последние годы внимание к его личности и жизненному пути только нарастает. Идеологические принципы, положенные им в основание Чехословакии в 1918 г., также активно эксплуатируются современными политиками (Masarykova filosofie může... 2024). Однако зачастую обращение к этим идеям происходит механистически, без попытки глубокого и предметного анализа обстоятельств, в которых они вызревали и формировались. Такой же неизбирательный и популистский подход свойственен в отношении исторических процессов, предшествовавших крушению Австро-Венгрии и зарождению на ее обломках новых государственных образований. Повсеместно происходит абсолютизация роли Масарика в событиях Первой мировой войны, формируется представление о его беспрекословной убежденности в необходимости образования Чехословакии. В то же время игнорируются общедоступные факты. В этой связи показательно воспоминание чешского публициста Виктора Дыка, который, пересказывая разговор историка литературы Яромира Долежала с Масариком, указывал на то, что последний вплоть до лета 1916 г. колебался в вопросе рациональности появления самостоятельной Чехии и был готов вести переговоры с австро-венгерскими властями о будущем чехов и словаков (Dyk V., 1927: 121).

На этом фоне упускается из виду значение деятельности других представителей организованного политического движения чехов и словаков в годы Первой мировой войны. В забвении продолжают пребывать русские чехи — этнические чехи, получившие гражданство Российской империи, а также подданные Австро-Венгерской империи, проживавшие на территории России. Роль последних никогда не находилась в объективе пристального внимания чешских и зарубежных исследователей. Их история рассматривалась или в контексте локальной историографии западных губерний империи Романовых, что ограничивало возможности оценки значения их деятельности в масштабе всего чешского народа (Vaculík J., 1997; Vaculík J., 2002a; 2002b; Vaculík J., 2009; Hofman J., Širc V., Vaculík J., 2004; Kovalenko S., 2010), или же как часть объемного повествования о событиях Великой войны, в рамках которого фактор русских чехов нивелировался, поскольку приходился на начальную фазу национально-освободительного движения, которую было свойственно не замечать из-за отсутствия громких, судьбоносных событий, ушедших в тень на фоне истории Чехословацкого корпуса в 1918–1920 гг. (Pichlik K., 1968; Pichlík K., Klípa B., Zabloudilová, 1996). Немаловажно значение и политических трансформаций в Восточной Европе в начале XX в.: рево-

люционные события в России в 1917 г., установление советской власти и участие Чехословацкого корпуса в Гражданской войне отдаляли чехов от России. В обстановке идеологической конфронтации межвоенного времени русский фактор замалчивался, или наоборот характеризовался как дестабилизирующий для национального движения. На социалистическом этапе, который связан с острой критикой Масарика, также не произошло обращение к рассмотрению данного фактора из-за необходимости признания вклада царского правительства на этом направлении. Впрочем, «бархатная революция» 1989 г. также не способствовала более глубокому восприятию фактора русских чехов в образовании независимой Чехословакии, что ставит вопрос о принципиальном нежелании чехов учитывать ключевой фактор России в истории образования независимой Чехословакии. Ухудшение отношений между Прагой и Москвой после 2014 г. не могло способствовать смене устоявшихся подходов, наоборот можно обозначить рост интереса к Масарику и эксплуатации «хрестоматийных» нарративов межвоенного времени.

В то же время для отечественной историографии традиционно стремление выйти за рамки свойственного для чехословацкой / чешской историографии подхода. Ещё в советской богемистике (Клеванский А.Х., 1965), а затем уже в современной российской появились работы, в которых пристально изучался российский и французский факторы в образовании Чехословакии (Валиахметов А.Н., 2018; Ведерников М.В., 2015; Ведерников М.В., 2016; Крючков И.В., 2014; Мошечков П.В., 2016; Ненашева З.С., 2019; Птицын А.Н., 2019; Серапионова Е.П., 2021). Несомненно, значительная работа была проделана в направлении публикации исторических источников (Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус... Т. 1... 2013; Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус... Т. 2... 2018).

В рамках данной работы предпринята попытка обрисовать ключевые вехи в истории русских чехов накануне и в годы Первой мировой войны, их значение в появлении самостоятельной Чехословакии в 1918 г.

Русские чехи: кто такие?

Согласно всероссийской переписи населения 1897 г. в Российской империи проживало 50 385 человек чешской и словацкой национальности, из которых 27 660 (55%) в Волынской губернии и 6 450 в Царстве Польском. На Кавказе, включая Закавказье, количество чехов и словаков определялось в 3 360 человека. Остальные были разбросаны по территории империи и не имели четко выраженной агломерации проживания. При этом доля сельского населения в их составе равнялась 84,1%. К началу Первой мировой войны в 1914 г. число чехов в империи Романовых принято оценивать в 100 тыс. человек. Эти данные не точные — основаны

на предположениях современников (Červinka J., 1920: 7) и скорее всего преувеличены.

Появление чехов в России было вызвано миграционными процессами на территории Австрийской (с 1866 г. Австро-Венгерской) империи, которые активизировались в 1850-х гг. из-за нехватки свободной земли и высокой стоимости аренды, что серьезно затрудняло успешное ведение сельского хозяйства в самих Чешских землях. Важно подчеркнуть, что Россия изначально не была первоочередной точкой переселения, большинство чехов стремилось переехать в Соединённые Штаты или южные регионы державы Габсбургов. Однако в 1860-е гг. чехи стали переселяться в Российскую империю, где либеральные реформы, включая отмену крепостного права, открыли перспективы для землевладения. Немаловажную роль в усилении этих потоков сыграли Гражданская война в США (1861–1865 гг.), прервавшая многие планы эмиграции за океан, и восстание в Царстве Польском (1863–1864 гг.), усилившее интерес российских властей в новых колонистах. Уже в 1863 г. первые 17 семей из Чешских земель переселились в Волынскую губернию, где в Дубенском уезде основали поселение Лютгардовка. Усиление потока чешских колонистов начинается с 1868 г. и продолжалось вплоть до конца правления императора Александра II. Согласно документам российского МВД, в период с 1868 по 1870 гг. на территорию Волыни переселилось около 8 тыс. человек. Важно отметить, что массовое появление чехов в империи не являлось правительственной инициативой, а было связано с частными проектами чешских и российских предпринимателей, зарабатывавших на посреднических услугах. В свою очередь российские чиновники не чинили препятствий для переезда иностранцев. Чешские переселенцы связывали с Россией, переживавшей на переломе двух столетий экономический подъем, главным образом надежды на дешевую землю и достойное трудоустройство. Практически отсутствовали сведения, что чехи уезжали из Австро-Венгрии в поисках убежища от засилья немцев, спасаясь от национального угнетения и притеснений. Мотивы, как правило, были простыми — чехи искали достойной жизни, а Россия могла им это предоставить.

Хотя подавляющее большинство чехов проживало в сельской местности за пять десятилетий с момента их появления в России сформировались городские центры их общественной жизни. Ее активизация приходится на 1905 г. после первой русской революции в крупных городах (Санкт-Петербург, Москва, Варшава, Киев). Первые три города из-за отдаленности от массового проживания чешского населения, отсутствия сильных лидеров во главе землячеств не смогли создать крепкое сплоченное сообщество единомышленников. В свою очередь киевский

центр благодаря своему расположению, массовой чешской агломерации в Юго-Западном крае, активному руководству и наличию финансовых вливаний со стороны крупных предпринимателей чешского происхождения вёл кипучую деятельность. Ядром жизни чешской диаспоры стали периодические издания («Русский чех» (1906–1908 гг.) и «Чехослован» (1911–1914 гг., 1916–1918 гг.) и общественные организации (Чешское вспомогательное общество в Санкт-Петербурге (1877 г.), Чешский кружок в Москве (1902 г.), Общество им. Я.А. Коменского в Киеве (1907 г.)) (Ведерников М.В., 2017). Важную роль играли сокольские гимнастические кружки, вокруг которых объединялись чешские соотечественники (Котов В.В., 2024).

Начало мировой войны: реакция чешского общества в России

Вацлав Вондрак, один из активных довоенных общественных деятелей чешской диаспоры, относительно настроений, царивших среди чехов, после объявления о начале войны летом 1914 г. в своих воспоминаниях писал: «Пока ещё русские надеялись, что война пройдет стороной, и не верили в её возможность, мы в Киеве читали в газетах сообщения, что московские, а с ними и петроградские чехи провозгласили революцию против Австрии. В первые минуты мирового столкновения к нам пришла мысль о необходимости создания чешских гуситских дружин» (Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус... 2013: 50). Примечательно, что с первых дней мирового конфликта русские чехи заняли радикальную антиавстрийскую позицию, которая исходила из необходимости ликвидации Австро-Венгрии и появлении на ее развалинах независимой Чехии (затем Чехословакии). Так, уже 24 июля Зденек Рейман на собрании Чешского вспомогательного общества в Петрограде предложил чехам вступать в ряды российской армии для вооруженной борьбы за независимость Чехии. Эта идея была поддержана всеми присутствующими. Там же в помещении общества началась запись. 2 августа представители данного общества посетили министра иностранных дел С.Д. Сазонова. Высказанные на этой встрече пожелания чехов были сформулированы Йиржи Клецандой в «Докладной записке о чешско-словацком вопросе» (Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус... 2013: 112).

Показательно, что российские власти шли навстречу притязаниям чехов, поддерживая их сепаратистские настроения. Об этом красноречиво говорят две аудиенции российского самодержца Николая II с ними в августе–сентябре 1914 г. 8 августа «выборные депутаты от Московской чешской колонии» встретились с государем в Кремле. Подобная честь в глазах всего чешского общества была показателем того, что Россия

выражала готовность прислушаться к чаяниям чешского народа. В свою очередь речь чешских представителей (А. Грабье, С. Коничека, Л. Ту-чека) была исполнена в верноподданническом духе. В ней говорилось, что «чехи всегда были проповедниками славянского единения» и ждали с нетерпением «момента освобождения Чешских земель», для того чтобы стать частью «семьи освобожденных народов». В их выступлении прозвучала судьбоносная фраза — «Да воссияет свободная независимая корона св. Вячеслава в лучах короны Романовых!»

С 28 августа по 9 сентября 1915 г. в столице империи проходило Совещание уполномоченных от чешских обществ и комитетов Петрограда, Москвы, Киева и Варшавы, в ходе которого был создан Совет чехов в России — единый политический орган для консолидации чешско-словацких сил на территории страны. Уже 4 сентября состоялась вторая аудиенция у императора, в которой приняли участие по одному представителю от каждого земляческого центра. От Киева был назначен Оттакар Червены, Петрограда — Йиржи Клецанда, Москвы — Сватоплук Коничек, Варшавы — словак Йозеф Орсаг. В речи, адресованной Николаю II, чехи обращались к нему, как к «августейшему защитнику всего славянства», любовь к которому всегда питал «чешско-словенский» народ. Как отмечал О. Червены, выступавший перед царем от имени Совета чехов в России, угнетенные чешский и словацкие народы, переживающие горькие страдания в эти минуты, желали идти с Россией «рука об руку». Разработчики составленного меморандума отмечали, что «чудом уцелевший сын всеславянской матери, тысячелетний страж (<...>) чешский народ взирает на Вас...», чтобы вместе возобновить самостоятельное чешское государство.

Первым камнем в основание чешского государства стало появление Чешской дружины — добровольческого вооруженного формирования, состоящего из чехов-подданных России. Важно подчеркнуть, что данная инициатива была реализована исключительно при поддержке российского правительства и при активном участии русских чехов, воодушевившихся идеей создания независимого государства. 28 сентября 1914 г. в день св. Вацлава, покровителя Чешских земель, в центре Киева было освящено знамя дружины. Обращаясь к чехам, выстроенным на Софийской площади, В. Вондрак говорил: «Ныне осуществилась вековая мечта чехов иметь свое национальное войско, которое, не выступая еще на поле брани, добилось драгоценнейшей победы, завоевав сердце русского народа». Он полагал, что «с организацией Чешского войска... теснейшим образом был связан вопрос об издании русским правительством акта о будущей судьбе Чехии».

В дружину в начале вступили 749 добровольцев, включая 11 офицеров-чехов. К 1 декабря 1914 г. их число возросло до 992 человек. 9 октября 1914 г. Чешская дружина была направлена на Киевский фронт в распоряжение командующего 3-й армией генерала Радко Дмитриева. 6 ноября 1914 г. состоялся первый бой Чешской дружины у дер. Недзелиска и Боржучин в Западной Галиции. Ввиду того, что к зиме 1914–1915 гг. на территории России уже находилось значительное количество австро-венгерских военнопленных (около 250 тыс. человек) 8 декабря было принято решение о их приеме в Чешскую дружину.

Параллельно с зарождением военной основы чешского государства продолжалось усложнение организованного политического движения чехов и словаков. Зимой 1914 г. Совет чехов в России трансформировался в Союз чешских обществ. 22–26 февраля 1915 г. прошёл I съезд в Москве, куда съехались 32 делегата, которые представляли 1 343 членов из 6 чешских обществ и трех комитетов. Расширение полномочий в руках политиков усиливало противоречия внутри чешского лагеря, прежде всего из-за личных амбиций некоторых из них. Проявлением глубокого размежевания стало разделение управленческих структур Союза между Петроградом (Правление — политический орган) и Киевом (военный орган). Раздвоение полномочий нарушало единство чешского движения. Происходила дестабилизация, которая вела к появлению дуумвирата, когда каждая из частей чешского движения имела собственное представление, прежде всего, о механизмах взаимодействия с российской властью. Возникающие конфликты стремившейся встать во главе движения чешской элиты не могли благоприятным образом сказаться на её будущем! Впрочем, более существенное влияние на чешское движение всё же оказывали внешние факторы: весной 1915 г. надежды на формирование крупного воинского формирования становились мало реалистичными из-за поражения русской армии у Горлиц (2 мая — 22 июня) и начала отступления по всему фронту. Чехи были вынуждены искать другие пути для реализации своих планов. Они приступили к трудовой мобилизации — «мирной мобилизации» — чешско-словацких военнопленных на российские предприятия, вовлеченные в оборонную промышленность.

Между тем, важно констатировать, что на фоне бурной деятельности русских чехов в 1914–1915 гг. активность Т.Г. Масарика и его сподвижников в Чехии, в западноевропейских государствах и США до осени 1915 г. не вышла на уровень признания со стороны официальных властей, ограничиваясь общественно-политической работой местных диаспор. Появление чешской роты «Наздар» в составе французской армии (Мошечков П.В., 2018) одновременно с Чешской дружиной не было напрямую сопряжено с идеей независимости Чехии, что активно продви-

гали русские чехи, получая поддержку со стороны российских властей. Можно предположить, что последние, возможно, не желая того вывели чешско-словацкий вопрос на международный уровень, заставив своих партнеров по Антанте более пристально заняться им. Показательно, что чешско-словацкие эмигрантские структуры Чешский заграничный комитет (ноябрь 1915 г.) и Чешско-словацкий национальный совет (февраль 1916 г.), появившиеся в Париже, получили сразу же поддержку со стороны французского правительства. На этом фоне активизировалась деятельность ранее находившегося в тени Масарика, который стал руководителем указанных эмигрантских организаций.

Начало идейных расхождений между «русскими чехами» и Масариком

Будучи обнадеженными со стороны российского правительства относительно независимого государства, русские чехи ввиду стагнации чешско-словацкого вопроса во второй половине 1915–1916 гг. стремились использовать все доступные возможности для его актуализации. В этой связи появление нового центра борьбы оказалось, как никогда кстати. Обладая, несмотря на войну, устойчивыми связями с соотечественниками в Европе и за океаном, они искренне поддержали появление заграничных центров борьбы с Австро-Венгрией в Париже и признали лично Т.Г. Масарика лидером освободительного движения. Подобные решения были публично озвучены в ходе второго Съезда Союза чешско-словацких обществ (апрель 1916 г.) Его участники направили Т.Г. Масарику телеграмму, в которой говорилось о признании «заграничного центрального комитета главным органом политической акции»¹. Можно предполагать, что перемещение политического веса в сторону зарубежных чехов было вызвано, в том числе, нарастающими противоречиями внутри объединений самих русских чехов, которые можно было обуздать при появлении во главе чешского движения в России авторитетного лица, сумевшего бы стать объединителем всей чешской репрезентации. Таким человеком, за которым была готова пойти большая часть чешской политической элиты (за исключением представителей царфильских кругов), вероятно, был Т.Г. Масарик.

Впрочем, фактор Масарика, как показали последующие события, привёл к обратному эффекту — росту напряженности внутри чешского лагеря и, что более важно, усилению подозрений со стороны российского руководства. В это время вдобавок обозначился глубокий конфликт между Масариком и Вондраком, на тот момент уже председателем Союза.

1 VHA. K. 6. Pres. org. II sjezd Svazů čs. spolků 1916. Protokoly ze zasedání. S. 50.

Показательно, что в своих воспоминаниях будущий президент Чехословакии обвинил киевского чеха в предательстве, приписывая ему такую характеристику себя: «наверное, во всей республике нет чеха и словака более чуждого нашему национальному характеру, а значит и менее способного исполнять обязанности президента, чем проф. Масарик» (Муратов А., Муратова Д., 2016). В. Вондрак обоснованно сравнивал свою деятельность, с самого начала направленную на создание войска, с нерешительностью Т.Г. Масарика, который только через десять месяцев после начала войны проявил свою активность за границей. Попытки заключить соглашение о разделении полномочий между Союзом и ЧСНС в виде Киевского соглашения (август 1916 г.) не привели к урегулированию отношений.

Впрочем, российский МИД, на тот момент не совсем основательно разбираясь в перипетиях отношений внутри чешского лагеря, увидел в деятельности Масарика и Вондрака попытку полностью подчинить чешско-словацкое движение в России зарубежному центру. Заведующий спецполитотделом МИД М. Приклонский обвинял русских чехов в «стремлении к неконтролируемому подчинению Масарику», который разделял антироссийские и антимонархические взгляды. Генерал А.И. Аверьянов полагал, что «Союз [<...>] под влиянием Лондона и Парижа перешел к политической деятельности. [<...>] деятельность чешского профессора Масарика Министерством иностранных дел характеризуется как подозрительная и откровенно враждебная по отношению к интересам России». Зам. министра иностранных дел А.А. Нератов ожидал от чехов «болгарской благодарности». На этом фоне возобладала идея установления тщательного контроля над чешско-словацким движением за счет формирования подконтрольного Петрограду органа, сформированного из лояльных России участников. Имперские власти решили привлечь к руководству чешской акцией в России человека, авторитет которого признавался бы всеми русскими чехами. Им стал Йозеф Дюрих, депутат рейхсрата, член наиболее влиятельной и массовой в довоенное время Чешской аграрной партии, член ЧСНС в Париже. Приехав в Россию, летом 1916 г. он полностью попал под влияние российских властей, получив от них финансирование. В свою очередь чехи в России, изначально приветствовав его приезд, в дальнейшем выступили с протестом, заявив о нежелании подчиняться ему. Как итог, в противовес парижскому ЧСНС было запланировано создание Чешско-Словацкого Народного совета во главе с Дюрихом (его работа не была запущена из-за февральской революции 1917 г.) Несмотря на негативное восприятие этого проекта, киевские чехи были вынуждены дать согласие на участие в «Совете Дюриха».

Революция 1917 г. привела к колоссальному сдвигу в системе координат чешско-словацкого организованного политического лагеря. Позиции русских чехов пошатнулись, а положение Масарика и его сторонников значительно усилилось. Подобная тенденция подтвердилась в ходе третьего Съезда Союза (апрель 1917 г.) Произошла смена его руководства — вместо В. Вондрака был избран Вацлав Гирса, врач из Киева, который открыто тяготел к масариковскому ЧСНС. В телеграмме Масарику делегаты сообщали: «*Union sacré* достигнут под эгидой ЧСНС и под вашим руководством. Есть согласие войска, военнопленных и комитетов, за исключением небольшой группы вокруг Вондрака и Дюриха». Главным организационным итогом стало решение о формировании Отделения (филиала) ЧСНС в России, которое переняло основные военные и политические функции у Союза. Последний же наделялся полномочиями по работе с соотечественниками в России, что фактически ознаменовало крах его прежних позиций. Помимо внешних причин успеха масариковской линии основной залог ее поддержки заключался в переходе значительных масс чешских и словацких военнопленных, начавших играть политическую роль, на сторону зарубежного политического центра. Последние полагали, что царское правительство чинило препятствия на пути создания крупного вооруженного чешско-словацкого воинского подразделения. Отчасти их предположения были правильны: с лета 1917 г. начинается массовая мобилизация в чешско-словацкие формирования. В августе 1917 г. сформированы 1-я и 2-я Чешско-Словацкие стрелковые дивизии, в сентябре 1917 г. сформирован Чешско-Словацкий корпус. На момент формирования в нем было 15 тыс., в ноябре — 37 тыс., летом 1918 г. — 60–70 тыс. военнослужащих. Впрочем, российские власти обосновывали свое решение о расширении чешско-словацких подразделений иначе. Они исходили не из теплого отношения к славянам, а отталкивались от необходимости остановить разложение в российской армии и ввести на фронт боеспособные части.

Визит Масарика в июле 1917 г. в Киев, после битвы при Зборове, в ходе которой чешско-словацкое войско решительно и храбро проявило себя, отчётливо обозначил отношение Масарика к русским чехам. Не ограничиваясь критикой прежних отношений в чешских рядах, он открыто говорил, что «русские чехи ничего не сделали» в вопросе организации войска. Будучи человеком, хорошо осведомленным в особенностях функционирования российской бюрократии царского режима, Масарик, очевидно, целенаправленно стремился своей позицией ослабить положение русских чехов. Показательно, что он не обращал внимания на достигнутые ими успехи, не учитывал сформированный в предшествовавшие месяцы фундамент, на котором впоследствии зародилось чешско-сло-

вацкое войско. Несмотря на то, что Масарик использовал откровенно популистские приемы — замалчивал достижения предшественников и преувеличивал собственный вклад в общее дело, он смог усилить собственные позиции: в митинге в Киевском университете приняли участие 5 тыс. человек, которые признали его непререкаемым лидером чехословацкого революционного движения. В последующие месяцы позиции русских чехов стремительно ослабевали, что привело к их полному уходу с политической сцены. Политический центр сместился в сторону масариковского Отделения Чешско-словацкого национального совета для России, в составе которого отсутствовали русские чехи. Показательно, что последние добровольно отказывались от участия в политической деятельности, не видя для себя перспектив на этом поприще.

* * *

Сегодняшняя Чехия является производной от тех политических процессов, которые происходили на территории стран-участниц Антанты в годы Первой мировой войны. Несомненно, что правительства Британии, Франции, Соединенных Штатов и России сделали многое, чтобы осенью 1918 г. появилась независимая Чехословакия, однако их вклад не был равноценный. Впрочем, по прошествии времени в общественном дискурсе и на страницах исторических исследований роль стран стала оцениваться в соответствии с политической мотивацией и внешнеполитическим курсом страны. Так, в межвоенное время, которое характеризуется ориентацией Праги на Париж и подозрительным отношением к Кремлю, ключевая роль отводилась французским властям; историки-эмигранты, покинувшие Чехословакию после прихода коммунистов к власти в 1948 г., отдавали, например, приоритет американскому участию (Fic V.M., 1977). После «бархатной революции» и распада Советского Союза, событий, которые, казалось бы, разрешили все накопившиеся за XX в. противоречия между Москвой и Прагой, чешские историки, а за ними и политики, не спешили признавать какое-либо значение российского фактора в образовании государства чехов и словаков. В то же время появился доступ к архивным документам, доступ к которым ранее был осложнен.

Учитывая текущее состояние чешско-российских отношений, вряд ли стоит ожидать, что в ближайшие десятилетия в чешской историографии появятся объективные исследования, в которых по достоинству был бы оценен вклад русских чехов в становление чехословацкого государства. В этой связи российские специалисты должны более тщательно продвигать результаты своих исследований, в том числе на международном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Červinka, J. (1920). Cestou našeho odboje. Příspěvek k historii vývoje formací československého vojska na Rusi v roce 1914–1915. Praha. 1920.
- Dyk, V. (1927). Vzpomínky a komentáře. 1839–1918. Praha: Ladislav Kuncíř.
- Fic, V.M. (1977). Revolutionary war for independence and the Russian question. Czechoslovak army in Russia 1914–1918. New Delhi.
- Hofman, J., Širc, V., Vaculík, J. (2004). Volyňští Češi v prvním a druhém odboji. Praha.
- Kovalenko, S. (2010). Češi v kyjevské gubernii před rokem 1917. In: Sborník prací PdF MU, řada společenských věd. Roč. 24, č. 1. S. 31–46. Available at: <https://journals.muni.cz/dejinyadejepis/article/view/35881/30612> (accessed 13.03.2026).
- Masarykova filosofie může pomoci obnovit pokleslé poznání a společnost, říká filosof Jan Svoboda. iportal24. 01.04.2024. Available at: <https://iportal24.cz/featured/masarykova-filosofie-muze-pomoci-obnovit-poklesle-poznani-a-spolecnost-rika-filosof-jan-svoboda/> (accessed 13.03.2026).
- Pichlík, K. (1968). Zachráněný odboj. 1914–1918. Bez legend. Praha.
- Pichlík, K., Klípa, B., Zabloudilová, J. (1996). Českoslovenští legionáři (1914–1920). Praha.
- Vaculík, J. (1997). Dějiny volyňských Čechů. Díl I–II. Praha.
- Vaculík, J. (2002a). Češi v cizině — emigrace a návrat do vlasti. Brno.
- Vaculík, J. (2002b). K počátkům českého zemědělského vystěhovalectví do Ruska ve 2. polovině 19. století. In: 150 let Slovanského sjezdu (1848). Historie a současnost. Praha. S. 195–205.
- Vaculík, J. (2009). České menšiny v Evropě a ve světě. Praha.
- Валиахметов, А.Н. (2018). Влияние Февральской революции 1917 года на формирование чехословацких воинских частей в оценке чехословацкой легионерской литературы // Манускрипт. № 6(92). С. 10–14.
- Ведерников, М.В. (2017). Оформление чешского общественно-политического движения в России накануне Первой мировой войны // Клио. № 1 (121). С. 71–81.
- Ведерников, М.В. (2015). Место России во внешнеполитической концепции Т.Г. Масарика накануне и в годы Первой мировой войны // Современная Европа. № 6. С. 122–130.
- Ведерников, М.В. (2016). Участие МИД в организации чешско-словацкой акции на территории России в середине 1916 — начале 1917 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. № 5. С. 62–75.
- Клеванский, А.Х. (1965). Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. М.
- Котов, В.В. (2024). Сокольский взлёт: спорт и политика в чешских землях (1861–1871). М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История.
- Крючков, И.В. (2014). Чешские и словацкие военнопленные на территории Центрального Предкавказья в 1914–1917 гг. // Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память. М. — СПб.: Нестор-История. С. 91–102.
- Масарик, Т.Г. (1926). Мировая революция. Воспоминания. Прага: Пламя — Орбис.
- Мошечков, П.В. (2018). Чехи и словаки во Франции в годы Великой войны: от подразделений в составе Иностранного легиона до автономной армии // Славянский альманах. № 1–2. С. 98–111. DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.1.08
- Мошечков, П.В. (2016). Национальное движение чехов и словаков во Франции в начале Первой мировой войны (июль 1914 — середина 1915 года) // Берегиня. 777. Сова. — 2016. — № 3 (30). — С. 122–129.

- Муратов, А., Муратова, Д. (2016). Забытый триумвират: Вацлав Вондрак, Алоис Тучек и Зденек Рейман. Часть 5. ruslo.cz. 28.10.2016. Available at: <https://ruslo.cz/index.php/arkhiv-zhurnala/2025/09-25/item/676-zabytyj-triumvirat-vatslav-vondrak-alois-tuchek-i-zdenek-rejman-chast-5> (accessed 13.03.2026).
- Ненашева, З.С. (2019). Чехи в России в годы Великой войны: между православием и католицизмом // Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал. № 1–2. С. 161–187.
- Птицын, А.Н. (2019). Чешские колонисты на Северном Кавказе в конце XIX–начале XX в.: проблемы адаптации // История народов Кавказа: диалог культур, языков и религий: К 100-летию со дня рождения профессора В. П. Невской: материалы Международ. науч.-практич. конф., 1–2 нояб. 2019 г. Ставрополь: Изд-во СКФУ. С. 119–121.
- Серapiоновa, Е.П. (2021). Чехи и словаки в Российской империи (последняя треть XIX — начало XX вв.) М.: Институт славяноведения РАН.
- Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920. Документы и материалы. Т. 1. Чешско-словацкие воинские формирования в России 1914–1917. М.: «Новалис». 2013.
- Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920. Документы и материалы. Т. 2. М.: Кучково поле. 2018.

T.G. MASARYK AND RUSSIAN CZECHS

Mikhail Vedernikov

Institute of Europe of the Russian academy of sciences, Moscow, Russia,
e-mail: vishma@mail.ru

Abstract. This article critically examines the role of T.G. Masaryk and Russian Czechs in the formation of an independent Czechoslovakia during the Great War. Drawing on a wide range of sources, it reconstructs the evolution of Masaryk's political strategies and the organized movement of Russian Czechs in the Romanov Empire, as well as their interactions with the governments of the Entente countries. Particular attention is paid to the institutionalization of the Czech–Slovak movement and to the growing conflicts between Russian Czechs and foreign centers led by Masaryk. The article demonstrates that Russian Czechs were among the first to articulate a program for the dismantling of Austria-Hungary and the creation of an independent state. However, their contribution was later marginalized in Czech and Western historiography under the influence of long-term political and ideological factors. It concludes that a revision of dominant narratives and a more active internationalization of Russian research on this topic are necessary.

Key words: T.G. Masaryk, World War I, Russian Czechs, politics of memory, oblivion